

Анатолий МОЖАРОВСКИЙ

СТРАХ УТРАТЫ

Анатолий Можаровский

Страх утраты

Київ
2014
Неопалима купина

УДК 821.161.1-1
ББК 84.4(2Рос=Рус)6-5
М75

Можаровский А.И.

М75 Страх утраты. Поэзии. – К.: «Неопалима купина», 2014. – 232 с.

ISBN 978-966-2002-14-0

Разлад между человеком и Богом, неспособность человека познать Добро, соединиться с ним и жить по Заповедям – именно в этом видит поэт трагедию современного человечества.

УДК 821.161.1-1
ББК 84.4(2Рос=Рус)6-5

*Ответственный редактор
Михаил МАЛЮК*

*В оформлении книги использованы фотоработы
Михаила МАЛЮКА*

ISBN 978-966-2002-14-0

© Можаровский А.И., 2014.
© Малюк М.М. предисловие, 2014.
© Урбанская С.Г., художественное
оформление, 2014,
© «Неопалима купина», 2014.

РЕАЛИЗМ УЖАСА

*Мы живем в обществе, окутанном мраком.
Преуспевать — вот высшая мудрость, ко-
торая капля за каплей падает из черной тучи
корыстных интересов, нависшей над чело-
вечеством.*

Виктор Гюго

*Религиозный человек понимает святое, свя-
щенное, как нечто совершенно отличное от
мирского. Для религиозного человека его жиз-
ненное пространство не есть однородным; оно
состоит из разрывов, трещин, существуют
части этого пространства, совершенно отли-
чающиеся от остальных частей. Есть священ-
ное пространство, оно могущественное, зна-
чимое, и есть иные пространства, лишенные
структур, устойчивости, иначе говоря, амор-
фные. Религиозный человек это отсутствие
однородности пространства воспринимает
как осознанное противопоставление священно-
го пространства, (при чем только оно и есть
реальным, действительно существующим) и
того хаоса, который его окружает — остал-
ьного мира. Религиозный человек всегда стрем-
ится жить в священном, возвышенном мире,
весь его опыт совершенно иного характера в
сравнении с опытом человека, который не име-
ет религиозных чувств, живет в десакрализи-
рованном мире, принял мирское существова-
ние.*

*Сегодня религиозная идея переживает кризис.
Как жить в мире, где нет ничего святого? Нет
больше ни возвышенного, ни низменного. Чело-
вечество становится серой, бесформенной и*

потому безликой массой. Жизнь низводится до уровня простого существования, изнашивания материи, вырождения. Этот абсурд бытия нельзя преодолеть, но и смириться с ним невозможно.

Новая книга Анатолия Можафовского именно об этом.

Разлад между человеком и Богом, неспособность человека познать Добро, соединиться с ним и жить по Заповедям — именно в этом видит поэт трагедию современного человечества. Для него Апокалипсис уже наступил: привычный мир рушится, всюду воцаряется зло, отнимает у жизни жизнь, лишает жизнь ее активности, остроты, характерности и энергии. Всюду тьма и угроза. Бесчестие нависло над нашим домом и грозит очумить нас позором, но мы делаем вид, что ничего не происходит. Дабы узреть сущность происходящего, надо видеть не так, как все, надо быть поэтом — обостренная впечатительность, интуиция боли открывают ему тайный мир чудовищности человека, где насилие — не фрагмент мировой трагедии, а обобщенная реальная боль. Поэзия Анатолия Можафовского — трагедия привычного, повседневного, обыденного — рядовой жизни рядовых людей. Анатолий Можафовский обладает особой восприимчивостью к социальным изменениям, говоря о них он проявляет интеллектуальную тонкость и проницательность. Как никому другому ему удалось передать время несбыившихся надежд, неисполнившихся обещаний, разочарование и безысходность постсоветской эпохи. Советский Союз по неизбежности и по справедливости исчез навсегда, наступила новая эра с противопо-

ложным коммунистической идеей мифопониманием, обесценивающая личность человека, его труд, обесценивающая культуру. Это не шаг вперед, а два шага назад: ожил не капитализм — феодализм дикий, примитивный, разбойный воцарился на постсоветском пространстве!

В поэзии Анатолия Можаровского постсоветский период предстает как царство зла, как отравленное царство. Это глубокое, почти смертельное отравление вирусом лжи и наживы. Разваливая СССР, ловкие прощелыги соблазнили людей, приспособившихся жить в условиях ограниченной личной свободы и вечного дефицита, прелестями свободного рынка, которые в результате обернулись ужасающей нищетой народа. Обогатилась лишь кучка беспричинных и беззастенчивых людей, которые и захватили власть: совсем недавно у нас позорно президентствовал уголовник, восседая на золотом унитазе! Закончил он массовым расстрелом безоружных демонстрантов на Крещатике и трусливым бегством в Россию, президент которой не только приютил беглеца, а развязал войну с Украиной, чтобы вернуть “легитимного” на его золотой унитаз.

Да... Современную цивилизацию можно терпеть, только смеясь, издаваясь над ней...

Абсурд бытия в поэтической трактовке Анатолия Можаровского и воспринимается как глубочайшая и уничтожающая сатира. Всё абсурдно и потому реально. Всё невозможно и потому жизненно. Всё парадоксально и потому единственно верно. Цель художника — преодолеть привычное, взбоднить мир. Художник — выразитель и проявитель огромного, невидимо-

го, невыразимого мира, который многие чувствуют, но не способны представить, расшифровать. Вот как определял задачи истинной поэзии Эзра Паунд: “Искусство живо лишь до той поры, покуда занято истолкованием реальности, то есть, покуда оно выражает что-то, задевшее художника намного сильней и глубже, чем его аудиторию. Он подобен зрячemu среди слепцов, которые готовы внимать ему лишь до тех пор, пока его слова подтверждаются его чувствами или кажутся им истиной. Если же он отвергает высокую честь быть истолкователем, если он говорит только ради того, чтобы наслаждаться звуками собственного голоса, аудитория какое-то время будет вслушиваться в эту невнятницу, в шелестение разукрашенных слов, но весьма скоро поднимется ропот, легкое брожение в рядах присутствующих — и вот перед нами столь знакомое положение вещей, предосудительнейший разрыв между искусством и жизнью”. Анатолий Можаровский потому и интересен как поэт, ибо потрясает душу пристальной правдой, обостренным чувством боли. Каждое его стихотворение — щемящая смесь безнадежности и надежды, нескончаемая борьба с миром и собой. И — бескураживающая искренность, выстраданность. Ему веришь. Вместе с ним пробуешь разобраться в самом себе, пытаешься осмыслить обстоятельства и события, понять себя и окружающий — как правило, враждебный, — мир.

Большинство людей живет, не сознавая своей ответственности, и в этом, наверное, причина наших бед. Вот свежайший пример: выборы в Верховную Раду. После всего, что натворили

регионалы — грабеж, убийства, разжигание национальной вражды, — их снова избирают! Народ настолько унижен нищетой жизни, что потерял силу избирать друзей и устранять врагов — врагам он предается не задумываясь. Олигархи и политики, сколачивая свои капиталы на бессовестном обворовывании народа, доводя его до крайней степени нищеты, не понимают, что готовят себе и обществу ужасающую месть.

Общество потребления в нашем варианте — общество приобретательства: человек приобретает больше, чем может потребить. Душа, допустившая себя до стяжательства, расположена к преступности. Деньги всегда в сродстве с кровопролитием. Война в Донецке — поощряемый грабеж, дикий разгул бандитизма даже без соблюдения воровских “понятий” — это триумф беспредельщиков. И не надо нам баек о каких-то там федерациях и автономиях. Какая такая дэнээр-лэнээр? Тот, кто претендует на какую-то государственность, разве разоряет, уничтожает ту территоию, на которой он это государство декларирует обустраивать?

Анатолий Можаровский понимает страхи и душевные страдания современного человека, как результат бесконечного напряжения, вызванного столкновением между внутренней и внешней реальностью, необходимостью ежедневной борьбы за кусок хлеба и стремлением к духовной жизни. Понимает и разумляет: живите проще и Бог не оставит вас, отметит своей благодатью.

Михайло МАЛЮК

Очищение мира.
Очищение земли.
Здесь столько кумиров
и людей, сорвавшихся
с цепи...
И с оси...
Любовь и зло
смешались вместе,
и западло
жених невесте.
Невинность тела,
невинность душ
остались в прошлом.
И не вернуть
того, что было,
не жить уж так,
как предки жили —
их Бог хранил...
Стало немодным
брак и алтарь.
Какой-то дикий
позор жития —
гражданский брак...
Очистить землю.
Очистить мир.
Сорвать кумиров
и сбросить вниз.
Так хочет Бог
и небо просит.
Воины неба...
А нас заносит,
и сносит вниз.
Мир изменить,
не поле засеять.
Мир хомутает,
ротозеят.
Сплетни стали

светским снобством.
И тот, кто там,
и тот, кто здесь
двинуты разумом.
Тупик.
А в нем — бес.
Бог не вышел
к нам еще.
Мы недостойны.

19.08.2014

Политика.

Геополитика.

Мир на них поскользнулся,
упал,

ударился головой,
поднялся и кувыркнулся.

Политика.

Геополитика.

Они поглотили всех —
политиков и простых граждан —
в дебатах и выборах...

Мир увлекли строительством
союзов,

блоков,

альянсов,

ассоциаций,

осей

и противовесов,

изрядно там накуролесив.

Политики и граждане

путались в механике

валов,

шестерней,

веревок,

тросов, кабелей

и терялись среди нагромождений
и толп людей.

Началось бурное строительство

рукотворных морей

под названьем одним

“экономикс”.

— Быстрей! Быстрей! —

толкали люд в пучину,

те, кто оставался

на берегу,

вроде бы по причине

от них не зависящей...

У них был шанцевый инструмент,
удочки,
спиннинги,
подсаки,
весла
и какое-то количество ножей.
Люди баражтались в пучине,
и чем больше и дольше,
тем лучше воду мтили.
А те, с берега,
рыбу ловили.
Если рыба большая, хорошая,
забирали,
мелочь обратно бросали.
Баражтающиеся в этих
водоемах
довольствовались
ею.
Но проворный мог
отхватить крупняк.
С берега все замечали,
и если так,
мог получить
веслом по голове,
или подсакой его
— и к себе...
Там журили, просили
и угрожали.
Бывали случаи
с собой оставляли,
но при соглядатае.
Особо хитрых
с пучины
тоже ловили,
что-то дарили
и ставили старшим
над проливом...

Это стало целью,
смыслом жизни.
Это стало главным
в политике.
А остальное управление
народом кое-как —
лишь бы жил да работал
на пользу немногих...
Геополитика.
Я так грущу.
Сколько в ней
надуманного и наносного.
Сколько в ней
подонков,
и их гиблое слово
стало выше
Слова основного.
Они молятся, крестятся,
но далеки от Бога.
Религия в смеси
с политикой и гео...
Себе же на горе
допускает церковь...
Геополитика — мерзость,
и мерзостью путь свой
закончит.
А мир будет слушать
Слово Бога
и жить по Нему,
и забудет
политиков и их гео,
как кошмарный сон...

20.08.2014

Рок.

Здесь линии креста,
лишь символ
и надежда
от него уйти
по воле собственной
и неба.

Рок.

Он догонит,
остановит.

Он сотрет,
сломает.

Сгонит с места,
там где свет,
и опрокинет вниз.

В оконце —
лишь от мира тени,
проблеск света.

Для кого-то
рок — мечта:
встретить женщину,
к примеру.

Рок.

Он здесь главный.

Пик кровавый,
окаянный:

Авель — Каин...

Был ли рок,
или лишь зависть?
Я не знаю,

но так сталося,
так случилось.

То начало было.
А потом пошло
легко.

Где там рок,
а где дурня?
Кто здесь скажет
и рассудит?
А есть ли рок вообще?
Мысли, мысли...

22.08.2014